

Сущность дня

Блестящий новый манифест разбрасывает тополь,
Деревья-одиночки, деревья-острова...
Закинув гордо головы в синеющие топи,
Бросают в мир поэты неважные слова,

День весь расцвечен золотом сиюминутной сути,
Кораблики взлетают, что будут сожжены,
Их голос — радиоэфир вселенского уюта,
Язык древесный древний все понимать должны.

Я, перекрашенная вся осенней краской солнца, —
Мгновенна или вечна? Со всеми и одна...
Эй, тополь! Языком листа до лужицы дотронься,
Лакай в воде последней густую сущность дня.

Божий день

На серой глине осень будто растирает
Остатки листьев и несобранных плодов,
Останки летнего несбывшегося рая
Ей нужно тщательно убрать до холодов.

В такие дни, когда дождит и завывает
И цвет ничем уж не подкрасит эту грязь,
Какой-то тополь — эх, дубина строевая,
В ладони льдинки выставляет напоказ.

Эй, подходите! — предлагает бриллианты,
И в каждом солнце, замороженное впрок,
Так продает на рынке нищий фолианты,
Котенком брошенным крадется тучи клочок.

Когда в гончарной мастерской погасла печка,
А пережить мы божий день опять должны,
Теплом наивности согреет тополь встречный,
Бредущий вдаль, до новоявленной весны...

Киноплёнка лета

Как быстро привыкаешь к свету и теплу,
Как будто к цветку на трофейной плёнке
В конце войны. Сквозь мельтешение и мглу
Открылся мир морей, лесов зеленка.

Цветы на воле и деревья разрослись,
Талант так прорастает в мирной жизни,
И обещая всех забрать с собою вывись,
Он серый мир, как летний дождик, сбрызнет.

Но дальше холод — мятный леденец во рту,
Пощечина для лета — снова осень,
В садах зарделись яблоки, и суету
Мы с лиственной дрожью вместе сбросим.

Вновь ночь ясна, как мозг Вселенной, центр всему —
Распустятся на небе звезд жасмины,
Так, словно на Земле одна, иду во тьму,
Дорогой уходящих пилигримов.

Волна блесит

Волна блесит, как чешуя дракона,
Сожми в руке — ее меж пальцев нет...
Опровергая времени законы,
Не зная русскую ракетку лет

Саму себя вновь повторяет точно,
В любом из мест на берегу сойди —
В пыли дорога, магазин и почта,
Мечтательно застывшие сады.

Река, как мы — ей дай освобожденье,
Зачем-то из провинции бежать,
Любить грозу и моря наважденье
И небо по секундам отражать.

Увидеть вдруг за поворотом море,
Где крутит, будто чайку ветром, дух,
Где выпадет волна чужих историй.
Осадок чистой соли — бел и сух.

Январский лист

На белые вершины января
Я снова поднимаюсь постепенно,
Внизу обрывки осени горят,
Ветра несутся необыкновенные.

Как будто бы расчистив разом свет,
Наследство года делают ненужным,
Мы с январем остались тет-а-тет,
Лишь сахаринки кружат пыли вьюжной.

Наутро ослепительны листы
Рассыпанной бумаги акварельной,
Разрушены последние мосты,
Леса не зря по осени горели.

Бери вот эти ворохи бумаг,
Рисуй, припоминая все детали,
Январь — тепло укутанный овраг,
Его и разглядишь теперь едва ли.

Как будто и не нужно ничего,
Повсюду аскетичность Магадана,
Есть место для хранения всего —
В защелкнутых морозом чемоданах.

День до дна

Какой сентябрьский день, как яблочко на ветке!
Лишь потянись к нему ты — и в руку упадет.
На синих небесах, как маленькие детки,
Два облачка нарядных, что смотрят солнцу в рот.

Дорожка из цветов, они сбежали будто
На света край. Что за душой есть — отдают,
Стоит такое восхитительное утро,
Где, как не у реки искать себе приют?

Проникновенность вод — где холодней и глубже,
Как ножницами вырезаны пятна из фольги,
Сверкают тут и там. И далеко до стужи,
Мы где-то на границе. И снежные мальки

Еще не зародились в глубине циклонов,
И я живу сегодня, как будто влюблена,
И жизнь не катится в тартарары с уклона,
Лишь солнце да вода. Прозрачный день до дна.

Ёлки-палки

И снова ёлки-палки... Что еще
Под Новый год нам могут предоставить,
А снег идет на миллионный счет
Замерзшего магната и не тает.

Бесцеремонно лезет внутрь мороз
За тепленьким воробышком у сердца,
В кафе зайдешь, на все повышен спрос,
Но главное — одной в толпе погреться.

С людьми один ты, но и все ж един
В случайных строчках летоисчисления
Единством всех скрепляющихся льдин,
Смолой горящих в тесноте поленьев.

Березы будто люди, сквозь стекло
Я вижу, в кружевных бегут платочках,
Соседок, помню в детстве, так влекло
В рождественские дни к нам. Маму с дочкой...

Начало неба

Бурьян из диких трав по берегам дороги,
Как брызги краски их невзрачные цветы,
И волны колосков, репейников пороги
Бурлят по сторонам — настырны и просты.

Размашисто идет к реке высоковольтка,
И слышно далеко — стучит портовый кран,
Кузнечики трещат, щебечет хвостовертка,
Как будто голос трав поет в такую рань.

Я думаю о том, что неба здесь начало
И невесомость вод так родственна ему,
И я пришла с того небесного причала,
И космосу созвучна, не знаю почему.

Вдруг вижу... на одной из межпланетных станций
Картинку здешних трав повесят на стене,
Ту, где они творят языческие танцы,
Сгорая в золотом, чужом для нас огне.

Когда жара уходит

Когда жара из города уходит —
Диктатор, подчинивший мир себе,
Сорвав стоп-кран, вдруг хлынет сверху холод —
Привет из стратосферы, дар небес.

Сияют лужи — дочери урагана —
Купальни листьев в пятнах золотых,
Расстреливала ночью из нагана
Их молния — зеленых, молодых.

Они, оставив деревья отчизну,
Найдут на побережье свой приют,
В прожилках — отпечатки прежней жизни,
И мой восторг на несколько минут.

Так, прочитав, кладешь стишок в сторонку,
Рисунок — в папку. Взглянешь ли когда?
Все втягивает времени воронка,
Лишь небо держит вбитая звезда...

Следы осенних листьев

Замерзшая вода недавних луж —
В ней пузырьки и вспененные листья,
Мороз живому чувству явно чужд,
Холодным солнцем колотым искрится.

Цветные листья втоптаны в асфальт,
Прижаты к трещинкам, как будто к веткам,
Мороз теперь им кум, и брат, и сват,
Немилосердный к теплым солнца меткам.

Последние... пылают и горят —
Живая плоть, разодранная в клочья,
Так босиком ведут смутьянов ряд,
А след стирается народом прочим.

Терра Нова

Бывают дни — в природе межсезонье
И солнце лишь внутри тебя горит,
Но чистотою, детством и озоном
Притягивает грязи антрацит.

Как лихо мы живем в начале жизни,
Когда великих дел непроворот!
Шагаешь сапогами в черной жиже
И думаешь: «С погодой везет!»

Все краски мира у тебя в кармане —
Заточены с утра карандаши,
Пусть старая Земля полна тумана,
Садись и Терру Нову напиши.

Вот розой распустился борщ на кухне,
Какие это краски, боже мой,
Как будто Бог варил и в чашу ухнул
Запасы Флоры царственной самой.

Попробуешь — и ты заговоренный
От скуки и притворства, от хвороб,
Ты крепким станешь, будто дуб мореный,
И нежным, словно почки бугорок.

Пусть краски в нас стихами догорают,
Притягивая сущностью тепла,
Мох на камнях, сеть паутин сырая,
Воткнута света тонкая игла...

Восхождение в космос

Журчащее радио сообщает, что альпинисты
Замерзли где-то в горах, там, где туман и дожди,
И хотя они были тренированы и плечисты,
Их спустят теперь с вершины, словно они вожди.

...растаяла на языке красная капля малины,
Огромный, в прожилках, лист в ладошку набрал воды,
Какие душистые на дачу спускаются ливни,
Мы хитрецы с друзьями — предпочитаем сады.

Но странно, что птица зависти строит гнездо под сердцем,
В горах прекрасно все — и даже нелепая смерть,
Сухой коряги достаточно было им, чтоб согреться,
Но горы пустынно, как в космос открытая клеть.

И пламя горячим языком не залижет там воздух,
На подступах в космос бывает глобальным пустяк,
Пока они еще вместе, и смерть — это только отдых,
Так отчего же думаю: «Если гибнуть, то так...»

На крыше

На крышах дышится как будто впрок,
Их лежбища идут до горизонта,
Готовы преподавать любой урок,
И крикнуть хочется: — Почем озон-то?

Меж небом и землею так легко,
Не предусмотрено тяжелой пищи,
Лишь облака подвозят молоко,
За что бы зацепиться ветер ищет.

Всех жизненных лишившись мелочей,
Сосед вам — улетевший в небо шарик,
Страна навек заброшенных мячей,
Не зря же солнце между ними шарит.

Кто знает, что у крыши в голове?
Старинные, резные и простые,
Есть те, что и поярче, и новей...
Колумб страны высокой их — не ты ли?

Ночная фиалка

Отрежет ночной супермаркет стеклом
Дверным мир баночек и пакетов
И выпустит в темень — иди напролом
Средь вспышек мигающего света.

Хабаровскую ночь я люблю за то,
Что кажется порою нездешней —
Азиатской ли, африканской, никто
Не меняет так стиль свой и внешность.

Цветочных запахов незримый оркестр,
Фигуркой, спрятанной в балахоне,
Пройдет она — женщиной из дальних мест,
В одежде черного махаона.

И жаркие волны подхватят меня,
Не умеющую притворяться,
Так, словно бы и не желают вновь дня
В ночи глаза мои — папарацци.

Никто не нужен — ни любимый, ни друг,
Все те же звезды горят в запястьях,
На небе зацветает их синий луг,
Ночной фиалкою пахнет счастье.

Бумажка птицы

С утра здесь, свежей краской хороша,
Не может чайка с ветром распрощаться,
Потрепана, как музыкой душа, —
На землю дух не хочет возвращаться.

Над речкой в небе бьется и горит,
Флажок трепещет крыльев одиноко,
Как будто лета белый манускрипт
Сквозь лупу атмосферы видит око.

Все тексты выгорают на свету
Из толстой книги летоисчисления,
Бумажка птицы к синему листу
Приклеена на мед вселенской лени.

...про волосы — дурман сухой травы
И кожу — нежный запах водной глади,
Пишу в тетради летней синевы
Мгновения единственного ради.

Дым сирени

Беспечно шляется сирень по переулкам,
Хватает звезды, встав на цыпочки, с небес,
Лучи разматывает солнечная втулка —
Волчком. И, несомненно, жизнь возможна без

Всего того, за что мы держимся упрямо:
Карьеры, службы, незатейливых вещей,
Друзей, с которыми соперничали рьяно,
А жизнь нырнула пяточком куда-то в щель.

И вспомнишь старый свой рисунок, где-то встретив
Благоухающее дерево в цвету,
Замрешь, как в детстве, будто ты разлил две трети
Воды сиреневой по белому листу.

И доски старого прогнившего забора,
И в поле черная прямая полоса —
Горят сквозь веточки цветочного убора,
Сиренью пахнет с вешним дымом у лица...

Цветение на задворках

Весна, всегда с бодрящим холодком,
Коктейль черемух в солнечном стакане,
И, ничего не делая тайком,
Таинственна без фальши и изъяна.

Задворки, мусор, битое стекло
И дерево, как облако, но краше,
Весна пришла, и краю повезло,
Она меняет представленье ваше

О том, каким быть должен эталон,
Все просто — аромат вокруг, цветочки,
Но сочинений ваших эшелон
Ее не стоит вдохновенной строчки.

Вдруг плачет нищий, вор, рецидивист
О чем-то не случившемся однажды,
Вода срывается с оврага вниз,
Не в силах утолить весенней жажды.

И что за тайна дерева в цвету?
Суть в красоте, она одна на свете
Душевную вдруг снимет маету
И запахом любви наполнит ветер.

Кто хочет — верит в дружбу, доброту,
Но стан весны, летящие оборки
Увидишь, и в одну минуту ту
Жизнь, с рельс сойдя, уже летит под горку...

